

ГЛАВА 1

Буквы на странице передо мной расплываются. Прежде чем сложиться в предложение, они звучат у меня в голове. На языке, понятном только нам, героям.

— Скажите, что вы видите?

Аббат Режан — единственный, кто обращается ко мне так, будто я княжеской крови. И так же хорошо, как и я, он знает, что так делать не полагается. Хотя я и первенец князя, я не имею права носить дворянский титул — поэтому ко мне нужно обращаться на «ты».

Но в темной комнате ордена за нами никто не наблюдает. Здесь есть только гигантские, заполненные книгами полки, несколько факелов и свечей, заливающих комнату причудливым светом, и старый письменный стол, за которым я сижу.

Я с трудом сглатываю ком в горле и начинаю концентрироваться. Если бы я пыталась читать, используя только ум, у меня бы получались просто причудливо соединенные слова безо всякого смысла. Но по-настоящему прочесть их может только мой дух. Он улавливает текст и помогает понять смысл. Сегодня слова взяты из 134-й книги апокрифов, которую я перевожу для аббата. Тексты о подземном мире и мире света. Истории этих миров могут расшифровать только существа с демонической кровью. Я не знаю, что аббат и князя надеются найти в этих текстах. Но это должно быть что-то очень важное, потому что не только я, но и все остальные герои обязаны постоянно читать эти апокрифы.

Я на мгновение закрываю глаза и снова пробегаю по строчкам внутренним взором.

— Родившийся первым второго хранит, — шепчу я, концентрируя всю свою силу. — От силы грехов он его защитит.

Когда в моем сознании всплывают следующие строки, я замолкаю и открываю глаза. Теперь я отчетливо вижу их написанными передо мной:

Родившийся первым второго спасет.
Их души едины, их боль не убьет.
Смерть будет искать тебя, но не найдет.
Правление света тебя уже ждет.

Голова у меня словно разрывается от боли.

— Герой, — нетерпеливо гудит рядом аббат. Но что-то во мне мешает произнести при нем эти слова. Будто они контролируют мое тело. Словно они ожили и угрожающе сжимают мне горло руками.

— Я не могу, — хриплю я, задыхаясь от боли.

— Вы не можете? — переспрашивает Режан, сверля меня застывшим взглядом зеленых глаз. — Не можете или не хотите? Слова снова говорят с вами, Навиен?

Веки у меня задрожали. Режан называет меня по имени всякий раз, когда чего-то хочет. Когда нужно, чтобы я начала ему больше доверять и он получил бы информацию. Обычно аббату удается этого добиться. Только не сегодня. Власть этого апокрифа надо мной сильнее, чем то чувство доверия, которое вызывает во мне Режан. Это должно что-то означать, потому что я сижу здесь с ним каждый день с пяти лет и перевожу тысячи текстов, которые он не может без меня понять.

Однако аббат был ко мне добр, когда я была послушна, и время от времени приносил мне небольшие подарки. Куклы или сладости, которые мне обычно не разрешали есть. Но если я отказывалась повиноваться, тогда он... я вспоминаю наказания и боль, но тут же заставляю себя об этом забыть.

— Я не могу прочитать этот отрывок. Словно он закрывается от меня, — вру я, извиняющимся жестом прикрыв рот, а Режан продолжает наблюдать за мной глазами Аргуса. Я чувствую, что он мне не верит. Но я уже давно не боюсь его наказаний.

— Продолжим завтра, — говорит он, затем отмахивается от меня рукой, как от насекомого. Он разочарован. Я потерпела неудачу и стала для него неинтересна. Поднявшись, я кланяюсь и выхожу из кабинета, при этом сердце у меня громко

колотится. Даже когда я уже иду по длинным каменным коридорам ордена, мне все еще трудно дышать.

Чтобы успокоиться, я считаю богато украшенные колонны, обрамляющие дорожку к замку, и только когда я добираюсь до огромной травянистой площади перед дворцом, мне удается сделать глубокий вдох. Хотя монастырь примыкает непосредственно к замку и меня могут увидеть, я упираюсь руками в колени и захожусь кашлем. Что это было? Почему слова не хотели, чтобы настоятель их услышал? Раньше тоже встречались апокрифы, которые говорили со мной или причиняли мне боль во время чтения, будто не хотели, чтобы я их произносила. Но сегодня это было что-то особенное. Словно они предпочли бы, чтобы я ими подавилась, но не обнародовала. Я о таком никогда раньше не слышала.

Но я давно поняла, что, в отличие от многих других героев, я очень одаренный читатель. Это стало ясно, когда мне пришлось уйти из боевых отрядов, чтобы полностью посвятить себя чтению. Ни одного другого героя здесь, в княжестве Истины, не цитируют так часто, как меня.

— Навиен! — раздается знакомый голос.

Я часто моргаю, чтобы лучше видеть.

— Марек, — выдыхаю я, все еще немного задыхаясь, и смотрю на героя герцога, брата князя. Марек не намного старше меня, хотя, строго говоря, он мой дядя. Я думаю, что княгиня-мать не планировала заводить еще двоих детей, родив первенца, Ната, а после него нынешнего князя. Но по закону природы если рождаются еще дети, то не менее двух.

— С тобой все в порядке? Неужели Режан снова перестарался?

Он кладет руку мне на плечо и вглядывается в мое лицо. От взгляда его голубых глаз во мне возникает странная смесь доверия и настороженности, и я не знаю, как поступить. Должна ли я рассказать ему об этих словах? Нет. Ибо я, как первенец, лучше любого дворянина знаю, что мы, герои, в долгу перед второрожденными. Это не просто долг, нет, это гораз-

до больше. Мы ментально и эмоционально связаны с ними. У меня никогда не появятся секреты от моей младшей сестры Авиелл. Она для меня больше, чем просто сестра. Больше, чем просто вторая дочь князя, которая станет первой женщиной, унаследовавшей трон, и в далеком будущем будет править княжеством Истины. Она — часть моей души.

Князя и настоятели считают, что все это из-за первородного греха. Для меня же это просто естественный ход вещей. Моя судьба первенца.

С самого детства меня учили применять те немногие демонические способности, которые мне позволено использовать, против врагов Авиелл. Я могу слышать мысли других героев, чувствовать их и иногда угадывать намерения людей. О других своих способностях я ничего не знаю.

Но, кроме этого, меня обучили сражаться, чтобы в случае необходимости защитить Авиелл и отдать за нее свою жизнь. Это я готова сделать всегда. Меня даже не нужно было этому специально обучать. Авиелл — любовь всей моей жизни. Она для меня все.

Я прокашливаюсь и опять сосредоточиваюсь на собеседнике.

— Нет, — наконец произношу я, и это правда, потому что в это состояние меня привел не Режан, а голоса апокрифов. Марек кивает, но немного недоверчиво.

— У Авиелл снова случилась истерика, — продолжает он.

Я на мгновение закрываю глаза и пытаюсь внутренне почувствовать ее душевное состояние, но не могу его уловить.

— Ты поэтому здесь? — уточняю я и выпрямляюсь.

— Нет, — признается он, подходя на шаг ближе.

В теле у меня тут же начинает покалывать. Если бы это зависело от Авиелл, я бы вышла за Марека замуж, она бы этого хотела. Но я волнуюсь не только из-за его привлекательности. Прежде всего я ему не до конца доверяю. Еще и тот неопровержимый факт, что он мой дядя. Хотя князя считают, что семейных уз у нас, демонов, быть не может.

— Мы слышали твои мысли, — заговорщически заявляет он.

Проклятье. Я прикусываю щеку и пытаюсь подготовить объяснение.

— И что вы могли услышать? — спрашиваю я почти небрежно и, хотя тело у меня все больше и больше напрягается, перевожу взгляд на поляну в дворцовом парке с бесчисленным множеством ярких цветов.

— Там почти не было логики, и это были не слова. Скорее ощущение, что ты должна что-то скрыть.

Я киваю, потому что говорить не в состоянии. Благодаря тому что герои могут слышать мысли друг друга, мы можем предупредить остальных в случае нападения на княжеский замок. Но я уже много лет тайно практикуюсь скрывать некоторые свои мысли.

В кабинете аббата я была слишком отвлечена и напугана, чтобы сосредоточиться на защите сознания от других героев. Насколько я знаю Ната, героя князя, он наверняка сразу сообщил тому, что я что-то скрываю. Поэтому понятно, почему у Авиелл случилась истерика. Вероятно, князь послал за мной. Еще более вероятно, что завтра на уроке чтения он подсадит ко мне Ната, чтобы тот читал мои мысли. Будь он проклят.

Я задумчиво засмотрелась на огромный зеленый парк и величественный замок. Сады дворца были построены в соответствии с представлениями княжеской четы о прекрасном. Их вкус оказался безупречен.

Все здесь выглядит мирно и солнечно. Яркие цветы, аккуратные кустарники и дорожки. Но венец всего — огромный фонтан перед входом, который каменотес сделал ко дню рождения Авиелл. Он изображает женщину, у которой одна рука на груди, а другая, из которой течет вода, поднята вверх. Так изобразили Авиелл, и каждый раз, когда я вижу этот фонтан, удивляюсь, как хорошо к ней относились даже до того, как она родилась.

Я в очередной раз думаю, насколько разная жизнь у нас с Авиелл, и смотрю на Марека, который, как и я, носит черную боевую одежду героев — брюки, рубашка, ботинки.

Это все отражает нашу суть — отсутствие идентичности. Но это не значит, что я жалуюсь на то, что я герой. Я очень рано поняла, что я никто. У меня нет семьи.

Меня можно бить и обращаться со мной как со скотиной.

Я узнала это с шести лет. Если я когда-нибудь об этом забуду, люди оставят на моем теле еще больше шрамов, чтобы напомнить. Я мотаю головой, отгоняя эти мысли.

— Я пошла к Авиелл, — бормочу я, поворачиваясь, чтобы уйти, но Марек берет меня за руку и слегка удерживает. Его прикосновение буквально обжигает мне руку.

— Она у князя.

— Знаю, — отвечаю я и высвобождаю руку. Героев и их подопечных связывают неразрывные узы. Однако до сих пор я не встречала такой тесной связи, как у нас с Авиелл. Иногда кажется, что мы один и тот же человек.

Быстрым шагом я направляюсь по гравийной дорожке к огромному белому дворцу с его маленькими эркерами и башенками. Он переливается на солнце, будто изображая Царство Небесное. Именно для этого и создавалось это княжество. Когда мир света находился в состоянии войны с подземным миром из-за желания тамошних князей подняться на землю, он незадолго до своего поражения создал восьмое княжество, чтобы уравновесить смертные грехи, которые воплощаются в остальных семи княжествах.

Восьмое княжество. Царство истины. Но до сих пор ни одному нашему князю не удалось его как следует расширить. Кроме дворца и прилегающего к нему монастыря, в него входит лишь небольшая деревня. Это означает, что мы зависим от других княжеств и их сельского хозяйства. Например, наш важный торговый партнер — княжество Гнева, граничащее с нашим на юго-востоке. Более того, первый князь Истины же-

нился когда-то на дочери князя Гнева, поэтому на княжеской семье Истины и лежит проклятие героев.

Но как только Авиелл станет княгиней, я знаю, что все изменится. После того как она посетит каждое из семи княжеств, она мечтает сделать все, чтобы наше княжество росло и становилось прекрасным местом.

Войдя в замок через вход для прислуги и пройдя по огромным коридорам, я набираюсь смелости, подхожу к боковой двери в тронный зал и распахиваю ее. Пока Авиелл находится здесь, я тоже могу войти. В одиночку мне бы этого не позволили, если бы князь меня специально не вызвал. Взгляд Авиелл сразу же останавливается на мне, как будто она уже слышала, как я подхожу. Чувствовала. Она стоит перед своим отцом, сидящим на троне, и поднимает брови. Рядом с ним заняла место княгиня, бледная как полотно. Черные как смоль волосы, темные глаза и эта фарфоровая кожа, которая так красиво переливается.

Князь прищелкнул языком.

— Ты не торопилась, герой, — ворчит он.

— Мой князь, прошу милости, меня задержали, — сдержанно говорю я, опускаясь в поклоне. Снова подняв взор и на мгновение встретившись с его ледяными голубыми глазами, я вздрагиваю. Это те же самые глаза, в которые я смотрю каждый день в зеркале. Но хотя внешне я действительно похожа на него — гораздо больше, чем Авиелл или Филипп до его смерти, — я не чувствую, что он мой отец. Даже княжеская супруга рядом с ним для меня не более чем мать Авиелл. Не моя. Может быть, какое-то время, когда я была маленькой, я и думала, что она меня любит, ведь я ее ребенок. Но я всего лишь принимала желаемое за действительное.

Они не мои родители и ясно давали мне это понять на протяжении всей моей жизни.

— Отец! — вмешивается Авиелл.

Он изображает жест любезности. Едва заметный кивок. Авиелл — его ангел. Но в этом вопросе она от него мягкости не добьется.

— Позволь мне говорить, дитя мое, — говорит князь и подзывает меня к себе.

— Ты скрыла слова от аббата, герой?

— У нее есть имя, отец.

Он закрывает глаза, очевидно, чтобы взять себя в руки.

— Не называй меня так, Авиелл.

— Мой князь, — язвительно поправляется она и украдкой бросает на меня взгляд.

Я бы хотела, чтобы она хоть раз промолчала и не попадала постоянно в подобные ситуации.

— Отвечай, демон! — снова обращается он ко мне так, чтобы наказать Авиелл.

— Нет, ваша светлость, — вру я.

Почему я родилась именно в княжестве Истины, для меня всегда было загадкой. Единственный человек, которому я никогда не врала, — это Авиелл. В остальных случаях я в этом мастер. И это в княжестве, где все честны и прямолинейны. Я уже много раз спрашивала себя, осуждали бы меня за это так же часто, живи я в другом княжестве. Здесь сообщать о малейшем проступке окружающих было в порядке вещей.

— Нат! — подзывает князь старшего брата. Он единственный герой, к которому он обращается по имени. — Расскажи нам, что ты чувствовал.

— Она сопротивлялась тому, чтобы поделиться некоторыми своими знаниями.

Это он что, серьезно? Ведь это могло означать что угодно.

— Дело было не в апокрифах, ваша светлость. Я сегодня отвлеклась. Я почувствовала что-то, что имеет отношение к Авиелл. На нее направлена вся моя преданность и забота.

Взгляд Авиелл останавливается на мне, и я точно знаю, что она делает. Она ищет в моей душе правду. Мы обе знаем, что долго искать ей не придется.

— Это правда, моя любимая? — спрашивает князь свою дочь, которая снова смотрит мне в лицо, чтобы изобразить обман более достоверно. Сама она уже знает, что я вру.

— Да, мой князь, — теперь солгала и она. Я чувствую, что она на меня сердится. Она расстроена, потому что я заставляю ее вести себя нечестно, а, в отличие от меня, Авиелл — прирожденная хранительница истины.

— Тогда уходите! Завтра рядом с тобой будет Нат, и я ожидаю лучших результатов в чтении апокрифов!

Я киваю, кланяюсь и жду, пока Авиелл выйдет первой, чтобы я могла за ней последовать.

Она идет очень быстро. Почти бежит, но при этом выглядит элегантной наследницей престола, кем она и является, а я все сильнее чувствую ее гнев на меня.

Когда мы приходим в ее покои, она закрывает дверь и прислоняется к ней спиной. Отдышавшись, она сердито поворачивается ко мне:

— Что ты наделала, Навиен?

Она касается своей груди, будто корсет давит на нее, лишая воздуха, необходимого, чтобы в полной мере выразить свой гнев.

— Я не могла...

— Что ты не могла сделать?

— Если ты не будешь меня перебивать, Ави, я тебе объясню, — раздраженно отвечаю я.

Она успокаивающе поднимает руки, а потом опускает их обратно на свою широкую золотистую юбку.

— Извини.

Она подходит ко мне, касается мягкой рукой моей щеки и печально мне улыбается. На ее правой щеке появляется ямочка. Так же как у меня, когда я улыбаюсь. Наверное, это единственное, что в нашей внешности есть общего.

— Эти слова запретили мне их произносить. Это было... будто они собирались перерезать мне горло.

— Что это были за слова? — спрашивает Ави и усаживается в красный шезлонг перед большими белыми стрельчатыми окнами.

Родившийся первым второго спасет.
Их души едины, их боль не убьет.
Смерть будет искать тебя, но не найдет.
Правление света тебя уже ждет, —

повторяю я, вставая напротив.

Авиелл прикусывает нижнюю губу, размышляя.

— Это о героях?

Я пожимаю плечами и на мгновение опускаю голову.

— Я не хочу, чтобы ты всегда защищала меня, Ави. Я демон. Это я должна защищать тебя.

— Не говори глупостей, Нави. Ты знаешь, что я считаю иначе.

Ее взгляд становится печальным. Потому что независимо от того, как она все это видит, это правда, и однажды она тоже родит первенца, которого будут презирать, как демона, и оставят в живых только для того, чтобы он мог защищать второго ребенка.

Мы обе присутствовали при смерти Филиппа. Нашего брата. Самого младшего из нас четверых. Его герой Калев был обезглавлен князем в ту же секунду. Прямо на наших глазах. Потому что без своего подзащитного все герои мгновенно теряют свою ценность и должны умереть. Так гласит закон.

По щеке Авиелл скатилась слеза. Она чувствует то же, что чувствую я. Помнит то же, что и я. Хотя нам тогда было всего десять и одиннадцать лет. Смерть наших братьев навсегда оставила рану в наших душах.

Самое главное, мы убедились, что без Авиелл я мгновенно умру. Она ненавидит эту мысль. Однако я не знаю, хотела бы я оставаться жить, если моя вторая половина перестанет существовать.

— Продолжай держать эти слова при себе, — внезапно шепчет она, встает и подходит к окну. Ее длинная юбка мягко скользит по дощатому полу. В тишине комнаты слышен лишь